С. В. Чебанов
г. Санкт-Петербург, БГТУ «Военмех», СпбГУ

ПОЛНОТЕКСТОВЫЕ БАЗЫ ДАННЫХ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОНИМАНИЯ
(на материале русской лингвосоциологии)

Преобразование Российской Федерации после глобальной геополитической перестройки конца XX века потребовало и радикальных институциональных реформ. При этом произошло столкновение разных подходов к их проведению. Сторонники одного из них настаивали на заимствовании институтов развитой Западной демократии, последователи другого исходили из необходимости развития автохтонных традиций социальной организации. Такое положение дел привело к тому, что одной из составляющих публичной жизни стали дискуссии о содержании этих реформ. При этом участники дискуссий недооценивали роль национального языка в обсуждаемых преобразованиях. Это относится как к значению языка для проведения реформ, так и к ведению дискуссий о том, как их проводить.

Плодотворность таких дискуссий определяется, в частности, и тем, насколько хорошо понимают участники дискуссий как то, что говорят их оппоненты, так и то, что говорят они сами. Такое понимание предполагает в числе прочего умение различать («расклеивать») содержание и смысл того или иного высказывания [Богин, 2001]. Это относится ко всем аспектам высказывания. Однако на практике если язык и принимался во внимание, то только лишь в аспекте лексики или, в лучшем случае, в аспекте семантики в целом (включая семантику синтаксическую и гиперсинтаксическую). Синтактика в полном объеме, а тем более, прагматика в этом контексте вообще не обсуждаются.

Явное рассмотрение всех трех семиотических измерений языка отличает работы Института национальной модели экономики (ИНМЭ) и Центра изучения русского общественно-политического языка (ЦИРОПЯ; руководитель обоих – В.А.Найшуль) от большинства подобных отечественных разработок последних десятилетий. Именно поэтому хотя указанная проблематика лежит на пересечении многих дисциплин – институционалистики [Найшуль, Чебанов, 2010], лингвополитологии [Маслова, 2008], политической концептологии [Макаренко, 2005], когнитивной лингвистики в целом [Маслова, 2008; Скребцова, 2000] и т.д. – только лингвосоциология представляется релевантной актуальным проблемам существующей социальной действительности [Никольский, 1974, Швейцер, 1977; Швейцер, Никольский, 1978]. Это связано с тем, что лингвосоциология нацелена на решение именно практических задач формирования социальной действительности посредством языка, что позволяет в полной мере обсуждать прагматический аспект семиотики общественно-политического текста.

Второй отличительной чертой лингвосоциологических разработок ИНМЭ и ЦИРОПЯ является то, что они не сосредоточены только на изучении эмпирического материала (речей политических деятелей, нормативных документах, публичной судебной речи и т.д.). Помимо этого осуществляется поиск идеалов такого языка, которые могли бы быть основой формирования соответствующих нормативов, а также служить индикаторами качества узуса. С этой целью осуществлена следующая работа.

Во-первых, как это и принято при построении теории некоторой предметной области, введено представление об идеальном объекте – формальном институте [Найшуль, Чебанов, 2010; Chebanov, Naishul, 2009]. Такой институт не связывается с каким-либо временем или страной, не характеризуется какими-либо эмпирическими параметрами, а наделяется только формальными атрибутами. Социальная организация предстает при этом в виде некоторого паркета (в теоретико-симметрийном смысле) формальных институтов. Подобные институты и их инсигнии передаются с помощью слов с символическим значением («символических слов»; специальный словарь символических слов, насчитывающий 728 лексем, был составлен Г.Г.Хазагеровым – ЮФУ, Ростов-на-Дону; ср. [Хазагеров, 2002]), в которых обнаруживается метафорическая и метонимическая составляющая их семантики [Найшуль, Чебанов, 2008а]. Из символических слов можно строить описания формальных институтов с помощью простейших – ядерных или близких к ним – предложений. Такие предложения не только характеризуют формальные институты, но и синтаксическими средствами закрепляют отношения между ними [Найшуль, Чебанов, 2010; Chebanov, Naishul, 2009].

Во-вторых, сотрудниками ИНМЭ создан текст [Букварь…, 2005], в котором описываются основные формальные институты и отношения между ними с использованием слов русского языка преимущественно в символическом значении. Последнее обстоятельство придало тексту некоторую архаическую стилизацию, что, однако, никак не влияет на суть дела, поскольку речь идет о реалиях, имеющих панхроническую семантику [Найшуль, 2006; Чебанов, 2007]. Описание лингвистической, логико-семантической и риторической структуры этого Букваря [Атлас…, 2006] позволило эксплицировать требования, предъявляемые к общественно-политическому языку, в том числе, к русскому общественно-политическому языку.

Описанные материалы были выверены с точки зрения социологии, лингвистики и семиотики, что позволило использовать их в качестве эталона при исследовании эмпирического материала. В качестве последнего выступают любые тексты, примечательные в каком-то отношении с лингвосоциологической точки зрения (институциональная организации той или иной страны – в первую очередь России, особенности рефлексии институтов в культуре, средства их фиксации в родном языке, механизмы заимствования институтов и т.д.).

Такие примечательные с лингвосоциологической точки зрения тексты являются предметом проводимых исследований, приближающимся к исследованиям, характерным для корпусной лингвистики [Захаров, 2005].

Прежде всего, проводится работа по инвентаризации социальных институтов, фигурирующих в примечательных с лингвосоциологической точки зрения текстах.

С этой целью выявляются упоминаемые в текстах институты и фиксируется 1) их название 2) атрибуты, входящие в название института, или устойчиво связываемые с ним 3) предикаты, приписываемые институту и характеризующие его деятельность, имеющие характер инсигний 2) частоты упоминания институтов и их характеристик. Сейчас эта работа осуществляется путем ручной разметки текстовых файлов (см. Пример 1).

«На водах, на землях, на русских **город**ах был **царь**; у него было три **сына**, последний **сын** Иван-**царевич**. При том **царстве** была гора, на которую никто не мог ни сходить, ни съездить. Слышит **царь**: на ***горе*** стук стучит и гром гремит, а отчего — неизвестно, и посылает своего первого **сына** узнать, отчего на ***горе*** стук стучит и гром гремит.»

Пример 1. Фрагмент разметки народных русских сказок.

Таким образом обработаны «Народные русские сказки» А.Н.Афанасьева, Том 1 «О лицах» кодекса Наполеона, «Соборяне» Н.С.Лескова, «История одного города» и «Сказки» М.Е.Салтыкова-Щедрина, «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина» и «Москва 2042» В. Н. Войновича, письменные работы младших школьников 1990-х и 2000-х гг., а также фрагменты Конституции США и ее переводов и ряда других эталонных социально-политических текстов.

В результате получены данные интересные с точки зрения лингвосоциологии. Часть из них была предсказуема, но получила эмпирическое обоснование и количественную оценку, часть – неожиданна, но содержательно интерпретируема. Так можно отметить следующее.

Анализ собрания сказок А.Н.Афанасьева (415477 словоупотреблений) показал, что из числа 11 основных социальных институтов, рассматриваемых в «Букваре» и «Атласе», в сказках встречены все, причем чаше всего "царь", "купец" и "люди" (всего выявлено 324 института – Чернышова, 2008; табл. 1, граф. 1). Несколько неожиданным оказался столь большой отрыв института "царь" (который и априорно является основным; примечательно, что с "царем" в сказках связаны только положительные коннотации) и бóльшая частота упоминания института "купец", чем "люди" и "народ", что свидетельствует о большей степени индивидуализированности сказочного сознания, чем ожидалось. При этом 247 институтов употребляются в тексте менее 100 раз, 31 институт – от 100 до 200 раз, 12 – от 200 до 300 раз и т.д. Институты же ближнего порядка (институты родства) встречаются в тексте чаще (исключая “царя” – табл. 2, граф. 2), что соответствует русской социальной культуре.

Иная картина наблюдается в русской сатирической прозе (табл. 3, граф. 3 общее число словоупотреблений – 315529, в том числе «История одного города» – 55893, «Сказки» – 15947, «Жизнь … Чонкина» – 147380, «Москва 2042» – 96302; Смирнова, 2008). В сатире, вопреки ожиданиям, чаще всего используется лексема “человек”, что определяется, прежде всего, вкладом «Чонкина», в котором, с одной стороны, “человек” используется в сатирическом смысле (при сравнении со свиньями), а с другой – для обозначения единичных представителей института “люди”. С учетом этого оказывается, что в этом массиве максимально представлен формальный институт “люди”, отличающийся максимальным индивидуализмом, частота упоминания которого более чем в пять раз превосходит упоминание четко очерченного в русской культуре формального института “народ”. Последнее хорошо согласуется с ничтожной частотой упоминанием институтов “царь” и “земля”. Высокая частота лексемы “князь” определяется использование ее в сатирическом смысле в «Истории одного города». Отмеченные особенности употребления указанных лексем отражают пародийную природу рассматриваемых текстов, описывающих ущербный вариант социальности. Примечательно то, что четыре главных социальных института (“человек”, “люди”, “народ”, “земля”) оказались в этом массиве не только наиболее высокочастотными, но и контрастно отличными по частоте от других институтов (за исключением пародийного “князь” – см. табл. 3, граф. 3).

Табл. 1.

Институт	Число употреблений	
	Абс.	В %
Царь	2409	0,58
Купец	694	0,17
Люди	552	0,13
Человек	462	0,11
Земля	328	0,08
Князь	218	0,05
Народ	137	0,03
Работник	123	0,03
Русь	50	0,01
Воевода	24	0,01
Староста	15	0,00

Табл. 2.

Институт	Число употреблений	
	Абс.	В %
Брат	950	0,23
Сын	761	0,18
Дочь	649	0,16
Отец	585	0,14
Жена	496	0,12
Сестра	472	0,11
Мать	419	0,10
Муж	190	0,05
Внучка	58	0,01
Невестка	42	0,01
Племянник	29	0,01

Табл. 3.

Институт	Число употреблений	
	Абс.	В %
Человек	651	0,21
Люди	417	0,13
Народ	203	0,06
Земля	184	0,06
Князь	116	0,04
Царь	33	0,01
Работник	27	0,01
Купец	22	0,01
Русь	7	0,00
Воевода	6	0,00
Староста	2	0,00

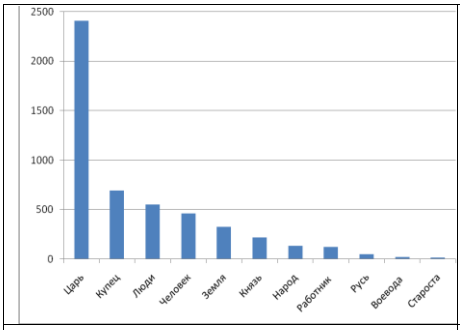

График 1.

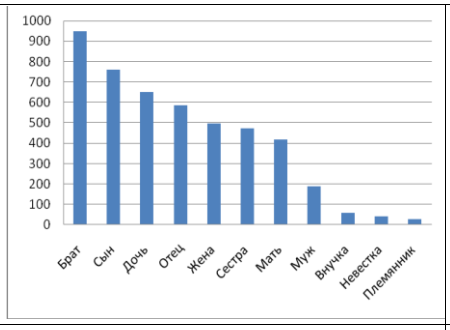

График 2.

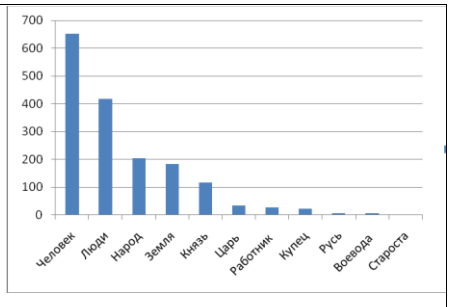

График 3.

Довольно своеобразная картина социальных институтов среды провинциального духовенства представлена в романической хронике Н.С.Лескова «Соборяне» (96054 словоупотреблений – Кириллова, 2009). Специфика описываемых реалий и решаемые художественные задачи определяют то, что текст пересыщен упоминанием как разнообразных светских институтов русской провинции, так и обилием институтов, свойственных церковной среде. Примечательно то, что частота упоминания церковных институтов выше, чем светских институтов дальнего порядка (1772 и 1339 соответственно), хотя число упомянутых светских институтов выше, чем церковных в 1,9 раза. Ввиду указанных особенностей целесообразно привести частотные характеристики другого, нежели прежде, состава упоминаемых институтов (табл. 4, граф. 4). Тогда обнаруживается, что наиболее частотными оказываются важнейшие социальные институты “человек”, “люди”, “народ”, “земля” и институты, характеризующие данную социальную среду (духовенство), а также ситуативно высокочастотные институты “карлик” и “лекарь” (последнее тоже довольно характерно – на полях книг с аскетическими наставлениями нередко попадаются указания по сохранению здоровья). При этом частота институтов “царь”, “работник”, “купец”, “Русь”, “воевода” и “староста” оказывается очень низкой.

Более внимательный анализ этого массива позволил выявить некоторые интересные детали (это возможно благодаря тому, что в данном исследовании дана подробная характеристика инсигний и атрибутов выявленных институтов). Так, из 158 символических слов, выделенных в данном тексте, только 31 входит в словарь Хазагерова. Самым высокочастотным символическим словом оказалось слово “рука” (243 словоупотребления – 0,25%, следующее по частоте символическое слово “дело” – 96 словоупотреблений – 0,10%), употребляемое в смысле “властная, правящая рука». Наиболее частыми инсигниями являются “молиться” (34), “закон” (22), “молитва” (21), “ряса” (21), “алтарь” (19), “крест” (19).

Исключительно интересно изменение состава социальных институтов в творческих работах (преимущественно, микроизложениях) детей младшего школьного возраста – 9-10 лет (Курочкина, 2008). Было изучено 222 работы учащихся 3 класса 2007-2008 учебного года Санкт-Петербурга (около 22500 словоупотреблений – табл. 5, граф. 5) и 43 работы (41 из Санкт-Петербурга и 2 из г. Рыбинска – табл. 6, граф. 6) учащихся 3 класса 1995-1996 гг. (около 3500 словоупотреблений; число словоупотреблений в обоих массивах указано ориентировочно, поскольку сохранена орфография и словоделение авторов работ). В ходе этого исследования были изучены и все контексты, в которых употребляются анализируемые концепты.

Табл. 4.

Институт	Число употреблений	
	Абс.	В %
Дьякон	399	0,42
Отец	391	0,41
Протопоп	229	0, 24
Дом	182	0, 19
Человек	121	0,13
Карлик	95	0,10
Учитель	88	0,09
Люди	86	0,09
Брат	83	0,09
Друг	78	0,08
Город	71	0,07
Гость	68	0,07
Лекарь	58	0,06
Народ	57	0,06
Земля	52	0,05
Духовенство	36	0,04

Табл. 5.

Институт	Число употреблений	
	Абс.	В %
Мама, мать	184	0,82
Царевич	90	0,40
Дом	85	0,38
Папа/отец/ батюшка	81	0,36
Пожениться/ жениться/ женитьба	58	0,26
Мальчик	57	0,25
Девочка/ девушка/девица	56	0,25
Сестра/сестрица	56	0,25
Мир/свет	47	0,18
Сын/сынок/ сыновья	46	0,18
Бабушка	37	0,16
Перемена	36	0,16
Урок	35	0,16
Школа	33	0,15
Страна	32	0,14

Табл.6

Институт	Число употреблений	
	Абс.	В %
Учитель/ учительница	26	0,74
Дом	13	0,37
Сад	12	0,34
Урок	10	0,29
Дед/старик/ дедушка	9	0,26
Друзья	7	0,20
Парк	7	0,20
Школа	7	0,20
Баба/старуха	6	0,17
Вожатый	6	0,17
Город	6	0,17
Девочка/ девица	6	0,17
Дети	6	0,17
Мама/мать	6	0,17
Класс	5	0,14
Ребята/ребятишки	5	0,14
Царь	5	0,14
Музей	4	0,11
Папа	4	0,11
Соседка	4	0,11

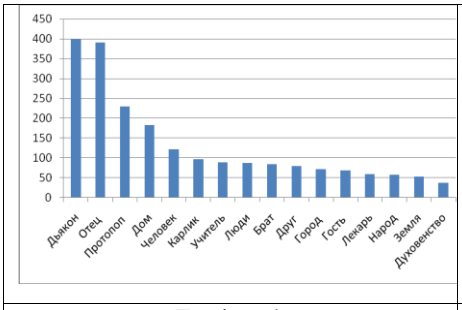

График 4.

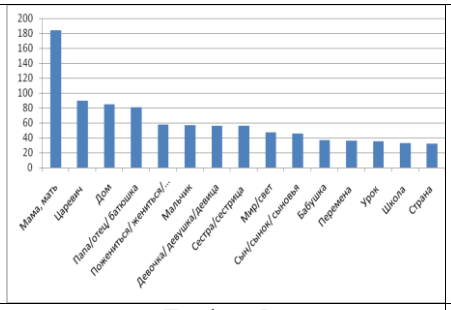

График 5.

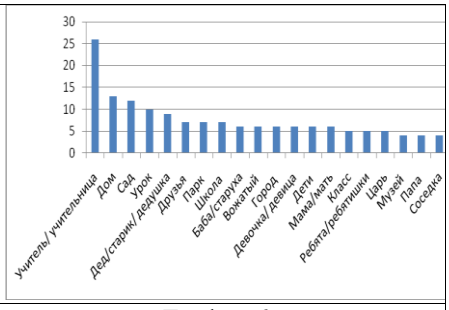

График 6.

Данные показывают, что если в 1995-1996 гг. институты семьи (как институты ближнего социального порядка) составляли 10% от общего числа институтов (67), то в 2007-2008 гг. их доля увеличилась до 38% (при общем числе институтов 137; надо, однако, помнить о различиях в объеме исследованного материала). Подобные данные являются индикатором изменений социальных отношений (перемещение центра тяжести межличностных отношений в область приватных семейных отношений) и, в частности, изменения отношений в процессе обучения.

В виду того, что современная институциональная организация складывалась под сильным влиянием политической истории Франции, Великобритании и США, особым направлением исследования концептов социальных институтов является их сопоставительный анализ в параллельных размеченных текстах на двух или нескольких языках. В связи с

этим осуществлен анализ концептов основных социальных институтов “человек”, “люди”, “народ”, “земля”, “хозяйство”, “суд” во французском и русском текстах Тома 1 «О лицах» Гражданского Кодекса Франции (Ляпунова, 2010). В результате постатейного анализа текстов было подтверждено несоответствие этих концептов во французском и русском языках, однако, степень этого несоответствия оказалась значительно меньшей, чем принято считать. Указанный вывод был получен благодаря тому, что было проведено сопоставление именно концептов, а не обозначающих их лексем, что потребовало решения ряда методических задач.

Аналогичная работа по сопоставлению концептов основных социальных институтов оригинального текста Преамбулы Конституции США и его переводов на французский, испанский и русский языки (Маевская, 2009) выявила хорошее соответствие англо- и испаноязычных концептов, несколько худшее англо- и франкоязычных и плохое англо- и русскоязычных (очень полезным при работе оказался ресурс http://avalon.law.yale.edu, содержащий большое число разных версий Конституции США).

Полученные результаты интересны не только в качественном, но и в количественном отношении. Таблицы 1, 3, 5, 6 и соответствующие им графики относятся к распределениям более или менее характерным для гиперболических *H*-распределений, свойственным целостным образованиям ценотического типа [Чебанов, 2002]. При этом эти распределениям относятся к институтам дальнего порядка. Таблицы же 2 и 4 содержат данные иного типа – они описываются скорее выпуклыми кривыми (частоты соответствующие 6-8 рангу табл. 2, граф. 2, рангу 2, 4, 5 табл. 4, граф. 4), причем в обоих случаях этот касается институтов не дальнего порядка.

Для решения некоторых частных вопросов институционалистики были привлечены и привлекаются относительно небольшие массивы данных. Так, концепты хозяйственной деятельности изучены на материале русских пословиц (всего 761, 26 из которых представляют собой современные переделки традиционных пословиц: «Доллар не воробей – вылетит не поймаешь» и т.п. – [Михайлова, Смирнова, 2010[), концепт “Родина” сталинской эпохи прослежен на примере 50 русскоязычных советских стихотворений 1929-1953 гг., основные концепты социальных институтов изучаются по массиву примерно из 1200 пословиц и т.д.

Получаемые результаты представляют несомненный интерес как фактологическая база лингвосоциологических исследования в области институционалистики.

С точки зрения герменевтики изучение концептов социальных институтов интересно в двух отношениях.

Во-первых, подобная работа фактически является исследованием в области лингвистической герменевтики обыденной речи [Чебанов, 2006; Чебанов, Мартыненко, 2007], представленной «Немецким словарем»,

начатым братьями Гримм, словарем В.И.Даля (Даль, 1989-1991) и современными работами В. Айрапетяна [Айрапетян, 2011].

Во-вторых, проводимая работа является прояснением значения основных концептов русского общественно-политического языка, выступая тем самым как путь семантизирующего понимания в поясе мысли-коммуникации М-К [Богин, 2001]. Примечательно при этом то, что семантизация осуществляется не путем обращения к неким словарным дефинициям или их созданию исследователем (как это возможно при оперировании с понятиями), а именно посредством выявления концептов в понимании когнитивной лингвистики [Лакофф, 2004; Маслова, 2008; Степанов, 2001].

Имея в виду то, что подобные работы ведутся с привлечением компьютерных технологий, близких к корпусной лингвистике, подобного рода разработки могут быть отнесены к области компьютерной герменевтики [Шульга, 2007], которая трактуется как раздел когнитивной герменевтики [Шульга, 2002]. При этом можно заметить, что в указанных работах [Шульга, 2002, 2007] при обсуждении предмета когнитивной герменевтики когнитологическая концептология не попадает в поле зрения автора.

Однако, изучение концептов социальных институтов (институтов и их инсигний) только начальная точка содержательной работы, требующей привлечение социологов, политологов, экономистов, историков и т.д. Тем не менее, при осуществлении и этого этапа работы возникают определенные проблемы.

К методическим проблемам нужно отнести в первую очередь формирование массива эмпирических данных. Так, массив пословиц, исследованный О. В. Михайловой и Е. Н. Смирновой, становится пригодным для содержательного анализа только после исключения упомянутой группы переделанных пословиц. Попытка исследовать главные институты по случайной выборке высокочастотных песен [Ключникова, 2008] ни к чему не привела, т.к. в этой выборке оказались, прежде всего, современные шлягеры, не отражающие русскую языковую картину мира. Интересными для подобных исследований оказываются материалы типа собрания пословиц В. И. Даля или сказок А. Н. Афанасьева. Однако, и в случае последнего для работы из него пришлось исключить сказки на украинском языке. Все это делает актуальной создание процедуры унифицированного отбора и представления материала для лингвосоциологических разработок.

Второй проблемой является крайняя трудоемкость описываемой обработки текста.

В связи с этим представляет интерес привлечение к проводимой работе методов корпусной лингвистики. Возможно, так удастся хотя бы частично решить существующие задачи (формализация и унификация выделения концептов и их характеристик, автоматизация первичной обработки текстов, унификация разметки, организация хранения размеченных текстов и оптимизация работы с ними, превращение

размеченных текстов в корпуса и разработка корпус-менеджеров для решения синтактико-семантических задач).

При этом если следовать исповедуемому в ИНМЭ и ЦИРОПЯ принципу языкового детерминизма и утверждать, что «В России может существовать только то, о чем можно сказать по-русски» [Найшуль, Чебанов, 2008б], то задача разметки текста может рассматриваться не только как экстралингвистическая. При этом видны и стандартные лингвистические предпосылки для решения этой задачи – имя института, его инсигнии и атрибуты не очень далеко разнесены друг от друга в тексте, они синтаксически согласованы, сочетания имен институтов и их инсигний характеризуются аллитерациями и аналогами сингармонизма и т.д. При этом решение такого рода задач является средством разработки техник когнитивного понимания в поясе мыследействия мД.

Рассмотренный опыт изучения концептов социальных институтов с привлечением полнотекстовых баз данных позволяет говорить о создании новых техник понимания, основанных на использовании компьютерных технологий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айрапетян В. Толкуя слово: Опыт герменевтики по-русски. М., Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2011. Тт.1-2.
2. Атлас Букваря городской Руси. β-версия. Рабочие таблицы. М., Институт национальной модели экономики, 2006 - http://www.sdcyw.com/docs/atlas.pdf
3. Богин Г.И. Обретение способности понимать: Введение в филологическую герменевтику. Москва, Психология и Бизнес ОнЛайн, 2001.
4. Букварь Городской Руси (β-версия). М., Институт национальной модели экономики, 2005 - http://miserocardia.narod.ru/nayshul.pdf
5. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1–4. М., Русс. яз., 1989–1991.
6. Захаров В.П. Корпусная лингвистика. СПб, СПбГУ, 2005.
7. Кириллова М.В. Концепты социальных институтов в произведении Н.С. Лескова «Соборяне». Выпускная квалификационная работа, СПб, БГТУ, 2008.
8. Ключникова А.Е. Главные общественно-политические концепты русского языка ([ЗЕМЛЯ], [НАРОД], [ЛЮДИ], [ЧЕЛОВЕК]). Выпускная квалификационная работа, СПб, БГТУ, 2008.
9. Курочкина А.С. Социальные концепты в языковом творчестве детей младшего школьного возраста (диахронический анализ). Выпускная квалификационная работа, СПб, БГТУ, 2008.
10. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М., Языки славянской культуры, 2004.
11. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М., Академический Проект, 2001.
12. Ляпунова Ю.И. Концепты основных социальных институтов в Гражданском Кодексе Франции и их русские соответствия. Выпускная квалификационная работа, СПб, БГТУ, 2010.
13. Маевская А.А. Концепты преамбулы Конституции США. Выпускная квалификационная работа. СПб, БГТУ, 2009.

14. Макаренко В.П. Политическая концептология: обзор повестки дня. М., Праксис, 2005.
15. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. Минск, ТетраСистемс, 2008.
16. Маслова В.А. Современные направления в лингвистике М., Академия, 2008.
17. Михайлова О.В., Смирнова Е.Н. Когнитивная модель хозяйства // Третий Российский культурологический конгресс с международным участием «Креативность в пространстве традиции и инновации»: Молодежная секция. СПб, ЭЙДОС, 2010.
18. Найшуль В.А. Букварь городской Руси. Семантический каркас русского общественно-политического языка – http://www.polit.ru/lectures/2006/02/03/naishul_bubu.html
19. Нашуйль В.А., Чебанов С.В. Метафоризация и метонимизация в русском языке недобровольного сотрудничества людей // Материалы международного научного семинара «Язык как медиатор между знанием и искусством» М., Ин-т русского языка им. В.В.Виноградова РАН, 2008а.
20. Найшуль В.А., Чебанов С.В. Изящная политическая словесность (Анализ политического языка) М., Ин-т русского языка им. В.В.Виноградова РАН, 2008б - http://www.ruslang.ru/agens.php?id=seminar_fateeva_chronicle08
21. Нашуйль В.А., Чебанов С.В. Социальная метадисциплина – формальная институционалистика // Третий Российский культурологический конгресс с международным участием «Креативность в пространстве традиции и инновации. Тезисы докладов. СПб, Эйдос, 2010.
22. Никольский Л. Б. О предмете социолингвистики // Вопросы языкознания, 1974, № 1.
23. Скребцова Т.Г. Американская школа когнитивной лингвистики. СПб., 2000.
24. Смирнова М.А. Концепты социальных институтов в русской сатирической прозе (на примерах произведений М.Е. Салтыкова-Щедрина и В.Н.Войновича). Выпускная квалификационная работа, СПб, БГТУ, 2008.
25. Хазагеров Г.Г. Система убеждающей речи как гомеостаз: ораторика, гомилетика, дидактика, символика. Ростов-на-Дону, ЮФУ, 2002.
26. Чебанов С.В. Н-распределения, размерная структура природных тел и натуральнозначные функции натуральных аргументов: к построению новой картины мира // Философские основания технетики. М., Центр системных исследований, 2002.
27. Чебанов С.В. О предельном тождестве герменевтики, прикладной лингвистики и прагмалингвистики // Понимание и рефлексия в образовании, культуре и коммуникации. Тверь, ТГУ, 2006.
28. Чебанов С.В. Святая Русь, И-цзин и ранговые распределения // Общая и прикладная ценология. 2007, №3.
29. Чебанов С.В., Мартыненко Г.Я. О герменевтизации прикладной лингвистики. Вестник Тверского ГУ 2007 №29(57). Серия филология. Вып. «Лингвистика и межкультурная коммуникация», 11(207).
30. Чернышова А.П. Описание концептов социальных институтов в русских народных сказках. Выпускная квалификационная работа, СПб, БГТУ, 2008.
31. Швейцер А.Д. Современная социолингвистика. Теория, проблемы, методы. М., Наука, 1977.
32. Швейцер А.Д., Никольский Л.Б. Введение в социолингвистику. М., Высшая школа, 1978.
33. Шульга Е.Н. Когнитивная герменевтика. М., ИФ РАН, 2002.
34. Шульга Е. Н. Компьютерная герменевтика // Вопросы философии, 2007, № 2.
35. Chebanov S.V., Naishul V.A. Symbolical Words and Nuclear social Institutes: To Abstract Pragmatist of Political Language // 10th World Congress of Semiotics. Abstracts. A Coruña. Universidade de A Coruña, 2009.